

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Цуй Ян поспешно покинул дом.

У городских ворот, на берегу защитного рва, он застал Ли Линя в окружении нескольких подручных. Завидев юношу, управляющий радушно улыбнулся:

— Господин Цуй, вы как раз вовремя! Смотрите, Каменщик Лу уже на подходе.

Он указал рукой вдаль. По дороге, мерно покачивая коромыслами с бамбуковыми корзинами, приближались четверо мужчин. Возглавлял их высокий, широкоплечий человек с легкой, пружинистой походкой. Это был Лу Фэн.

По уговору, зимние побеги бамбука следовало доставлять ежедневно до часа дракона. Зимой ворота Юэчжоу открывали в три четверти часа кролика, так что Лу Фэн прибыл точно в срок.

Лу Фэн обладал острым зрением и издали приметил Цуй Яна. Сегодня тот выглядел необычно: поверх платья наброшена накидка нежно-бирюзового цвета на белом кроличьем меху, а голову украшали пушистые меховые наушники. Сделаны они были на диво затейливо: издали казалось, будто у юноши выросли длинные заячьи уши. Когда же Цуй Ян, приветствуя друга, замахал рукой и подпрыгнул от радости, сходство с маленьким кроликом стало и вовсе неоспоримым.

Лу Фэн невольно улыбнулся:

— Что же ты так рано вскочил? Поспал бы еще.

«Да разве тут уснешь?» — подумал про себя Цуй Ян, а вслух, так и сияя от восторга, произнес:

— Брат Лу, правду в пьесах поют: «Разлучись с мужем на три дня — и взирай на него с почтением». Это точно про тебя сказано!

Лу Фэн сразу понял, что Цуй Яну уже ведомо о сделке с лавкой «Чжэньпиньцзай». Радуюсь, что сюрприз удался, он не забыл поблагодарить посредника:

— Это всё благодаря помощи управляющего Ли.

— Полноте, — тут же отозвался Ли Линь, — моей заслуги тут капля, лишь пара слов. Идея-то была ваша, и товар отменный.

Цуй Ян подхватил:

— Не скромничай, брат Лу. Мне всё рассказали — и бамбук у тебя лучший, и смекалки не

занимать.

Лу Фэн, польщенный похвалой, передал корзины работникам. Ли Линь лично проверил товар и протянул свиток:

— Взгляни, если всё верно — подписывай.

В договоре значилось: тринадцать вэней за цзинь. Лу Фэн заранее навел справки и знал, что лавки обычно скупают товар за половину рыночной цены. Сейчас в «Чжэньпиньцзай» бамбук шел по двадцать один вэнь, значит, ему должны были предложить десять или одиннадцать. Тринадцать — это на целых два вэня больше ожидаемого.

Он невольно бросил взгляд на Цуй Яна. Тот поспешил пояснить:

— Моего участия тут нет. Хозяин вчера просмотрел бумаги и сказал, что скоро наступит месяц Лаба, цены на бамбук подскочат. Побоялся, что ты сочтешь сделку невыгодной и прекратишь поставки, вот и накинул немного.

Лу Фэн понимающе кивнул. Он знал, что без замолвленного словечка Цуй Яна никакой «щедрости» хозяина не случилось бы. Будучи человеком прямым, он не стал упрячиться и с благодарностью принял эту услугу.

Тринадцать вэней за двести цзиней — это две тысячи шестьсот монет в день. Каждому из сорока каменщиков достанется по шестьдесят пять вэней. Неслыханный заработок для зимы!

Лу Фэн обернулся к товарищам и пересказал условия. Те, недолго думая, закивали. Хоть в розницу можно было выручить больше, мороки с этим не оберешься, да и обмануть могут. Куда спокойнее иметь дело с честной лавкой. К тому же за товаром приезжали прямо к воротам, избавляя их от уплаты городского налога на ввоз.

Договор был скреплен подписями.

Ли Линь вручил Лу Фэну увесистый кошель:

— По правилам мы рассчитываемся раз в десять дней. Но, понимая, что вы только начали и в средствах, верно, стеснены, за сегодня и вчера заплатим вперед.

Каменщики расплылись в улыбках:

— Сразу видно, большая лавка! Честность превыше всего.

Управляющий, приняв благодарности, велел грузить бамбук и отправился в город. Цуй Ян и четверо каменщиков остались одни на продуваемом ветром поле.

— Братцы, — обратился Цуй Ян к мужчинам, — вы в такую рань в путь пустились, холодного воздуха наглотались. Пойдемте, я угощу вас чем-нибудь горячим.

Каменщики, однако, привычные к невзгодам, вежливо отказались:

— Спасибо, господин Цуй, мы сыты. Вы с Лу Фэном ступайте. Нам завтрашний бамбук еще выкапывать надо, так что не обессудьте — пора в путь.

Цуй Ян понимающе кивнул и, едва они скрылись из виду, потянул Лу Фэна за рукав:

— Идем, выпьем хоть по чашке соевого молока, согреем нутро.

Лу Фэн рассмеялся:

— Да я тоже перекусил перед выходом.

Он и впрямь на ходу проглотил печеную батанину, но, видя, как Цуй Ян настаивает, уступил.

— В уезде Шаньнань есть одна лавочка, там молоко знатное. Сходим туда?

Цуй Ян согласился. Он понимал: Лу Фэн, как и его товарищи, мыслями уже в завтрашнем дне, и в город задерживаться не пойдет.

Они зашагали по дороге, делясь новостями. Цуй Ян уже знал о событиях последних дней от Ли Линя, но Лу Фэн поведал подробности: как торговал на рынках, как хитрил. О том, что его пытались обобрать слуги из богатого дома, он умолчал — не хотел, чтобы Цуй Ян снова бросался восстанавливать справедливость. Против гордого управляющего усадьбой не попрешь так просто, как против владельца каменоломни.

— Торговки на рынке — народ суровый, — усмехнулся Лу Фэн. — Если бы не твои советы, обвели бы меня вокруг пальца в первый же день.

— Опыт приходит с практикой, — отозвался Цуй Ян. — А советам я и сам у молодого господина У научился.

Он искренне восхищался тем, как быстро Лу Фэн освоил законы рынка и даже сумел наладить прямые поставки в лучшую лавку города.

— Брат Лу, негоже тебе в деревне Пиньян киснуть. С твоей-то хваткой тебе свое дело в Юэчжоу открывать надо.

Лу Фэн просиял. После того как к нему сватался Бао Луншэн, мысли о том, чтобы уехать из деревни и заняться настоящим делом, не давали ему покоя. Слова Цуй Яна лишь укрепили его в этом решении.

— Твоими бы молитвами, — отозвался он.

Зимнее солнце, едва поднявшееся над горизонтом, осветило его лицо, золотя кожу и подчеркивая мужественные черты. Цуй Ян на миг засмотрелся. Его Брат Лу должен быть именно таким — полным надежд и сил, а не задавленным нуждой.

От этих мыслей улыбка юноши стала еще теплее, а взгляд — ярче. меховые наушники и бирюзовая накидка делали его необычайно милым.

Лу Фэн тоже замер, любуясь им. «До чего же хорош», — мелькнуло в голове. Он невольно протянул руку, желая коснуться пушистого меха, но вовремя вспомнил, что всё утро возился с землей и бамбуком. Руки были грязными. Пришлось с сожалением отстраниться.

— Тебе очень идет этот наряд.

— Правда?.. — Цуй Ян смутился.

Накидку ему вчера буквально навязал У Мосюань, заявив, что в такой холод Цуй Ян непременно застудит голову, а потом будет жаловаться на мигрень. И наушники надел сам.

«Завтра важный день, — сказал тогда У. — Твой сердечный друг провернул большое дело, неужто ты пойдешь к нему замарашкой?»

Довод показался убедительным. И теперь, слыша похвалу Лу Фэна, Цуй Ян чувствовал, как в груди разливается сладостное тепло.

— Конечно, правда, — подтвердил Лу Фэн и добавил: — Ты в нем точь-в-точь как Юй...

Он осекся, едва не ляпнув «Юй-ту» — нефритовый заяц. Весь путь он про себя называл друга «кроликом», и слово чуть не сорвалось с языка. Цуй Ян — человек серьезный, нельзя его так фамильярно сравнивать со зверьком.

— Как Юй-гунцзы, благородный господин из пьесы, — быстро поправился он.

— Юй-гунцзы? — Цуй Ян нахмурился. — Не припомню такой пьесы.

Лу Фэн замялся. В театрах он бывал редко, денег на это в семье никогда не водилось, так что пришлось импровизировать на ходу:

— Ну, та самая... «Полет на луну».

— «Полет на луну»? Про Чаньэ? Но там нет никакого Юй-гунцзы. Там есть только Нефритовый... заяц?

Цуй Ян широко раскрыл глаза. С чего бы Брату Лу вспомнить о зайце? Неужели он что-то заподозрил?

Лу Фэн, глядя на него, подумал: «Ну точно, кролик».

— Я в театре не силен, — поспешил он оправдаться. — Названия, видать, перепутал. Но суть одна — красиво.

Цуй Ян ощутил легкий укол разочарования. Значит, не вспомнил.

— Можешь называть меня так, если хочешь, — тихо сказал он. — Я ведь родился в год кролика, и в детстве моим домашним именем было Сяоту — Крольчонок.

— А я в год быка, — подхватил Лу Фэн, радуясь, что гроза миновала. — Матушка говорит, меня в детстве Даню — Большим быком — звали.

— Так тебя, значит, Лу Даню величали? — рассмеялся Цуй Ян.

— А тебя — Цуй Сяоту? — Лу Фэн произнес это имя, и в глубине его сознания что-то шевельнулось. «Чэнь Сяоту?» — всплыло вдруг в памяти, но откуда и почему — он понять не мог.

Взгляд Цуй Яна на миг потух. «Да», — сухо ответил он. «В детстве я был Чэнь Сяоту, но ты этого совсем не помнишь».

— Что с тобой? — Лу Фэн заметил перемену. — Замерз всё-таки? Ветер сегодня злой.

— Вон уже уезд Шаньнань, — Цуй Ян указал вперед. — Глотну горячего — и всё пройдет.

Лавочка с соевым молоком ютилась у южных ворот, рядом с горной тропой и переправой. Народу там всегда было в избытке.

Они отстояли очередь и заняли свободный столик. Лу Фэн заказал две большие чаши молока и четыре порции хвороста-юйтяо.

— Столько не съесть, — запротестовал Цуй Ян.

— Ничего, — отмахнулся Лу Фэн. — Останется — заберешь с собой, в обед приготовишь палочки из теста «восемь сокровищ».

Хозяйка, подававшая хворост, услышав это, улыбнулась:

— «Восемь сокровищ»? Видать, вы из уезда Шаньинь, молодой господин?

Это блюдо и впрямь было типичным для тех мест. Лу Фэн замялся. Он не помнил, откуда узнал рецепт — мать просто готовила его, не называя родины.

— Нет, — покачал он головой.

Хозяйка удивленно хмыкнула, но расспрашивать не стала:

— Пейте, пока горячее. Не обожгитесь.

Лу Фэн придвинул чашу к Цуй Яну:

— Попробуй, здесь отменное молоко.

Семья Цуй Яна в Шаньине сама держала такую лавку, и он с детства знал вкус настоящего молока. Он пригубил напиток, ожидая чего-то заурядного, и... замер.

Вкус был один в один как у него дома.

— Ну как? — с надеждой спросил Лу Фэн.

Цуй Ян не знал, что ответить. Секрет их семейного рецепта был прост: они добавляли в молоко сушеную морскую капусту и мелкие сушеные креветки-сяпи. Эти приправы везли из Минчжоу, и в Шаньнани их почти не использовали.

— Невкусно? — расстроился Лу Фэн. — Прости, я сам его раньше не пробовал. Просто услышал, как хозяйка объясняла рецепт, и почему-то решил, что тебе понравится. В следующий раз сначала сам проверю...

— Почему ты решил, что оно мне понравится? — Цуй Ян пристально посмотрел на друга.

Лу Фэн замялся. Взгляд Цуй Яна был непривычно серьезным.

— Даже не знаю, как сказать... В прошлый раз, когда мы со стариком Чэнем возили в город плиты, проходили мимо этой лавки. Я услышал, что хозяйка переняла рецепт у кого-то из Шаньиня, и мне это показалось до боли знакомым. Словно я уже пил такое молоко раньше.

Цуй Ян слушал его, и обида за забытое имя Сяоту мгновенно испарилась. В детстве Лу Фэн обожал молоко из их лавки. Собственно, их дружба с этого и началась.

Лу Фэн охотился за креветками в чаше. Маленький Цуй Ян тогда еще не мог помогать взрослым у печи, и ему доверяли самое простое — раскладывать сушеные креветки по чашам перед тем, как их залиют горячим молоком.

Лу Фэн крутился рядом, высматривая, в какой чаше креветок побольше, и требовал именно её. Но Цуй Ян был ребенком прилежным: он честно пересчитывал каждую креветочку, так что порции были одинаковыми.

Тогда Лу Фэн пустился на хитрости. «В эту не положил!» — кричал он. Или: «В той слишком много!».

Сначала Цуй Ян верил и послушно перепроверял, но потом раскусил обманщика. Пришлось Лу Фэну менять тактику: «Давай дружить? Я отведу тебя играть в лес, а ты мне за это будешь лишнюю горсть креветок класть».

Цуй Ян был тихим, сверстники его часто задирали, так что он поначалу не поверил. Но Лу Фэн и вправду взял его с собой. На радостях на следующий день Цуй Ян бухнул другу в чашу целую пригоршню креветок.

Да только они были солеными. Молоко вышло таким горьким, что пить его было невозможно. Весь день бедный Лу Фэн бегал к колодцу за водой, а Цуй Ян дрожал от страха, что единственный друг теперь его бросит.

— Это я виноват, — смеялся тогда Лу Фэн, допивая воду. — Зато креветок было — во! Объедение.

— Вот, — Цуй Ян протянул ему сверток. — На, ешь эти. Они пресные.

— А тебя матушка не отругает? — испуганно шептал маленький Лу Фэн, прижимая сверток к груди.

Креветки стоили дорого, и Цуй Ян понимал, что взбучки не миновать. Он уже хотел забрать подарок назад, но Лу Фэн решительно заявил: «Я пойду с тобой! И свою мамку позову, она за тебя заступится!»

Закончилось всё печально — Лу Фэну крепко влетело от матери.

Прошлое стояло перед глазами так ясно, словно и не было этих лет. Цуй Ян невольно улыбнулся:

— А мне кажется... если добавить чуть больше креветок, станет еще вкуснее.

— Думаешь? — Лу Фэн обернулся к хозяйке: — Хозяюшка, можно нам еще креветок?

— Можно-то можно, да только они соленые. Не боитесь испортить? — отозвалась та.

Лу Фэн глянул на друга.

— Положите, — кивнул Цуй Ян.

Хозяйка принесла керамический горшочек.

— Ему добавьте, — указал Цуй Ян на Лу Фэна.

Тот не понимал, к чему всё это, но послушно отхлебнул из чаши.

— И впрямь... наваристее стало. Словно именно так и должно быть.

Цуй Ян опустил голову, пряча улыбку. «Брат Лу совсем не изменился».

Хозяйка тем временем не уходила, всматриваясь в лицо Цуй Яна.

— Слушай, паренек, лицо у тебя уж больно знакомое.

Цуй Ян вспомнил слова Лу Фэна о том, что хозяйка узнала рецепт в Шаньине. Видать, она знала его родителей. Опасаясь разоблачения, он быстро нашелся:

— Я в эти дни часто мимо ходил, в горы товар носил. Видно, и примелькался.

Женщина хотела что-то добавить, но наплыв клиентов заставил её отвлечься.

— Господин Цуй? — раздался густой бас.

К столику подошел дородный мужчина в темно-синей форме пристава. Живот его, внушительный и круглый, буквально покоился на ремне. Это был Бао Цюшэн. За ним тенью следовали двое подчиненных.

Они бесцеремонно согнали сидящих за соседним столом людей и велели хозяйке немедленно накрывать.

— Три чаши молока, три порции баоцзы, шесть лепешек соленых и десять порций хвороста! И поживее!

Бао Цюшэн был явно не в духе. Он с грохотом опустил саблю на стол и тяжело опустился на скамью. Посетители притихли. Цуй Ян, зная, что за ним никакой вины нет, спокойно поприветствовал пристава:

— Пристав Бао.

Тот буркнул что-то невнятное, но лицо его слегка разгладилось.

— Какими судьбами здесь?

— Да вот, в деревню возвращаюсь. Заметил лавочку, решил согреться перед дорогой.

Ветер с гор снова заставил навес лавки громко захлопать.

— Холодно сегодня, — согласился Бао.

Подчиненные подгоняли хозяйку, и вскоре на столе появились молоко и хворост. Он сделал несколько больших глотков, и настроение его окончательно улучшилось.

— Ну, как тебе в моем доме живется? Рыбу сушишь? Как дела идут?

— Вашими молитвами, Пристав Бао. В этом году рыба вышла отменная. Недавно возил партию в «Чжэньпиньцзай», так оценили по высшему разряду — первый сорт.

Пристав оживился. Он знал, что в этой лавке к товару придирчивы. Если дали «первый сорт» — значит, товар уйдет влет.

— Ишь ты! Я там всё детство прожил, и не думал, что дом для сушки рыбы годен. В чем секрет?

— Место у вас удачное, — охотно пояснил Цуй Ян. — Дом сухой, продувается горными ветрами. Никакая зараза не заведется, сохнет быстро, да и двор для просолки просторный. Лучшего места и не найти.

— Хочешь сказать, в другом месте так не выйдет?

— Никак нет, — улыбнулся Цуй Ян.

Лицо Бао Цюшэна окончательно посветлело. Он ведь не просто так сдал родовое гнездо Цуй Яну. У него подрастало двое сыновей, а по законам империи сыновья приставов не могли сдавать экзамены на чин. Путь в чиновники был закрыт, а возвращаться к плугу Бао не желал — гордость не позволяла.

Старший сын был парнем толковым, его удалось пристроить на службу в соседний уезд. А вот младший рос оболтусом. Глупый, ленивый, он только и знал, что шататься с сомнительными дружками. Вот и сегодня Бао нашел его пьяным в стельку у порога — тот даже в дверь постучать не догадался, так и проспал всю ночь на холодной земле.

Он понимал: если он умрет, младший пропадет. Нужно было дело — надежное и прибыльное. Сушка рыбы под крылом известной лавки казалась идеальным вариантом. Нанять людей, перенять секреты Цуй Яна — и сын будет обеспечен до конца дней.

Он посмотрел на Цуй Яна почти с нежностью и принялся расспрашивать о тонкостях дела. Цуй Ян отвечал подробно, ярко и образно. Даже другие посетители заслушались его рассказом.

Лу Фэн сидел напротив и внимательно слушал друга. Он понимал: Цуй Ян говорит много, но по делу — ни слова. Он описывал общий процесс, известный каждому жителю побережья, не касаясь ни температуры, ни пропорций соли, ни сроков выдержки. Всё звучало убедительно, но на деле было лишь пустой скорлупой. Лу Фэн усмехнулся про себя.

Внезапно Бао Цюшэн заметил Лу Фэна. Раньше он и не глядел в его сторону, а тут обернулся и узнал сына вдовы из Пиньяна. Как и все в округе, пристав недолюбливал эту семейку. Ходили слухи, что вдова с сыном в прошлом в чем-то замешаны, а теперь строят из себя бедных и несчастных.

Бао нахмурился, недовольный тем, что этот простолюдин подслушивает ценные советы.

— А ты что здесь забыл? — грубо спросил он.

Лу Фэн уже хотел ответить, но Цуй Ян опередил его:

— Мы у ворот встретились. Он мне недавно с починкой крыши помог, денег брать не хотел. Вот я и решил угостить его молоком в знак благодарности.

Бао вспомнил историю с каменными плитами и делом Чэнь Дачжи, которое сам же и улаживал.

«Денег он не взял, вишь ты. Побоялся, верно, что ноги переломаю», — подумал пристав.

Он холодно хмыкнул, доел завтрак и поднялся:

— Спасибо за рассказ, господин Цуй. Было поучительно. Как-нибудь загляну к тебе в гости, посмотрю на дело своими глазами. Не вздумай ворота запирать.

— Что вы, Пристав Бао! Дом ваш, заходите, когда пожелаете, — вежливо отозвался Цуй Ян.

Пристав важно кивнул, поправил ремень на животе и вышел в сопровождении охраны.

Прошло еще пять-шесть дней. Бамбук Лу Фэна в «Чжэньпиньцзай» шел нарасхват. Свежий, местный, он стоил дешевле привозного из Чуньяня, и цены на него не скакали. Горожане быстро это оценили, и торговля в других лавках пошла на спад. Даже четыре других филиала «Чжэньпиньцзай» в Юэчжоу начали нести убытки.

Управляющие этих филиалов явились к Ли Линю за советом, и, увидев товар Лу Фэна, в один голос потребовали таких же поставок. Дело дошло до У Мосюаня.

Тот первым делом вызвал Цуй Яна.

— Поиск зимнего бамбука — дело хитрое, — объяснял юноша. — Я спрашивал Брата Лу: сорок их человек в день могут накопать в среднем по десять цзиней на брата.

Зимний бамбук не чета весеннему — он под землей прячется. Его по отросткам корней искать надо, а это уметь нужно. Среди каменщиков было лишь несколько мастеров, способных добыть по пятьдесят цзиней, остальные и пары штук могли не найти.

У Мосюань прикинул на счетах:

— Четыреста цзиней в день... Этого едва на две лавки хватит. А к Новому году и на одну мало будет.

Цуй Ян затревожился. Если товара не хватит, рынок захватят конкуренты. Если кто-то предложит больше и лучше, Лу Фэн потеряет дело. У Мосюань, конечно, друг, но в торговле побеждает сильнейший.

— Дай мне день, — попросил Цуй Ян. — Я съезжу в деревню и всё разузнаю.

Он поспешил в Пиньян. Лу Фэн был дома — он снимал с шестов солено-сушеную рыбу во дворе Бао Цюшэна. Цуй Ян удивился: солнце еще высоко, Брату Лу полагалось быть в лесу. Почему он вернулся так рано? И рыбу можно было снять позже.

Лу Фэн невесело усмехнулся и поведал о беде.

Оказалось, среди сорока каменщиков начались раздоры. Те, кто находил много бамбука, возмутились: почему они вкалывают за всех, а деньги делятся поровну? Те же, у кого дело шло хуже, стояли на своем. Ссоры вспыхивали всё чаще, и он, не зная, как всех примирить, решил пока притормозить работу и отказался от своей доли прибыли.

Цуй Ян понял, что приехал вовремя.

— Брат Лу, объемы нужно увеличивать, — сказал он и пересказал требование У Мосюаня.

Тот нахмурился:

— Это хорошие новости, но как быть? Раньше мы поставляли двести цзиней на одну лавку. Пять лавок — это тысяча цзиней в день. А к праздникам — все две тысячи. Нам сорокером столько вовек не выкопать, даже если в лесу ночевать будем.

— Может, нанять людей? — предложил Цуй Ян. — Было сорок, станет восемьдесят.

Лу Фэн покачал головой:

— Мы сорок человек друг друга годами знаем. А если наберем чужаков — кто знает, что у них на уме? Перехватят дело, разведуют места — и поминай как звали.

— Значит, остается одно — перекупать бамбук у других, — рассудил Цуй Ян.

Лу Фэн вспомнил рассказ Ли Линя о том, как возят бамбук из Чуньяня.

— В Чуньяне бамбук скупают горные торговцы-коробейники. Цена у них низкая, а расходы на дорогу большие. Как же они умудряются зарабатывать?

Цуй Ян хлопнул себя по лбу:

— И как я сразу не догадался! Я ведь сам с коромыслом начинал. В горах и на островах жизнь одинаковая — люди от мира отрезаны. Свой товар вывезти трудно, а чужой к ним редко

забредает. Секрет прост!

Он подался вперед:

— Горный торговец не просто скупает бамбук. Он несет в горы то, чего там нет и в помине. Продает втридорога, а на вырученные деньги за копейки скупает лесной товар. На этой разнице они и живут.

Цуй Ян привел пример:

— Вот, скажем, отрез синего набивного ситца. В городе он стоит тридцать вэней. Торговец берет его за пятнадцать. В горах он продает его за тридцать пять — ведь жителям до города три дня пути. А бамбук у них берет по семь-восемь вэней. В итоге он на каждом шагу зарабатывает вдвое больше.

Лу Фэн задумался. Схема была ясной, но... чтобы идти в горы за бамбуком, нужно сначала на что-то купить товар для обмена. А денег у него не густо — заработок от плит и бамбука едва составил три-четыре тысячи монет. Если разделить на сорок коромысел — по сто вэней на брата. На это много товара не купишь. Просить у товарищей неловко — у всех семьи, лишней копейки нет.

Цуй Ян видел его сомнения.

— Брат Лу, выход есть. В городе можно взять заем под залог. У тебя нет земли, но я могу выступить поручителем.

Он понимал, что гордый Лу Фэн вряд ли на это пойдет. И тут же предложил иное:

— Давай так. Тебе не нужно много разного товара. Для первого раза возьми что-то одно. То, чего в горах нет, но без чего ни одна семья к Новому году не обойдется.

Лу Фэн оглядел двор. Его взгляд упал на ряды солено-сушеной рыбы.

Рыба — морская. В горах такой не сыщешь. Она соленая, духовитая — в лесу о такой только мечтают. А главное — скоро праздники. Жертвы богам, поминовение предков. По обычаю варят гуся, курицу или свинину — всё это пресное. К такому мясу солено-сушеная рыба — лучшая приправа.

К тому же на Новый год на столе обязательно должна быть рыба — знак изобилия. Горные ручьи мелки, приличную рыбу там поймать трудно, так что солено-сушеная рыба станет главным украшением стола.

То, что нужно!

Лу Фэн азартно блеснул глазами, но тут же засомневался. Опять придется просить помощи у Цуй Яна... Он замялся, не зная, как начать разговор.

Цуй Ян всё понял без слов.

— Брат Лу, говори прямо. Мы друзья, но в делах счет должен быть точным. Давай по правилам.

Лу Фэн усмехнулся. Излишняя скромность была бы лишь оскорблением для друга.

— Твоя рыба идеально подойдет.

— Согласен, — кивнул Цуй Ян.

— Продай мне её по обычной закупочной цене. Я всё выплачу в срок.

Цуй Ян быстро прикинул в уме. Его товар делился на три сорта: сушеная илиша-лэсян, пьяный горбыль и самый дорогой — желтый сян.

Для подношений предкам обычно брали желтого сяна — он красив и ароматен. В праздники средняя рыба стоила пятьдесят вэней, хорошая — сотню, а за отборную просили все две сотни. Обычная илиша шла по пятнадцать вэней, горбыль помельче — по десять.

— Бери по половине рыночной цены, — предложил Цуй Ян. — А если возьмешь больше двухсот штук каждого вида — скину еще по вэню.

Лу Фэн подсчитал свои сбережения и назвал количество.

— Договорились, — улыбнулся Цуй Ян. — Бумаги подпишем позже, некогда сейчас за посредником бежать. Забирай пока эту партию, — он указал на рыбу во дворе, — а как распродашь, приходи на мой склад в городе, отгрузим еще.

Он подвел друга к вешалам, объясняя разницу в сортах:

— Эта партия признана лучшей в «Чжэньпиньцзай», цену на нее можно смело задирать. Я достану тебе фирменную упаковочную бумагу из лавки. Завернешь в нее — и в горах она пойдет по цене золота.

Обманывать У Мосюаня таким образом... Только Цуй Ян мог на такое решиться.

— Даже не знаю, как тебя благодарить, — выдохнул Лу Фэн.

— Я и сам пока не знаю, — Цуй Ян заложил руки за спину и лукаво прищурился. — Но Брат Лу так настаивает, что грех отказываться.

— И что же мне сделать?

— Запишем в долг. Как придумаю что-то стоящее — приду и потребую сполна, — рассмеялся юноша.

— По рукам! — ответил Лу Фэн.

<http://bllate.org/book/17486/1713233>